

Еще раз о понятии основного вида сказок как термине теории сказки В.Я.Проппа

На этом же сайте, в статье «**Что такое основной вид сказок, или Как отличить сюжет от варианта?**» (30.10.2019), говорилось, что в следующей статье мы перейдем к вопросу о сюжетных схемах. Теперь понятно, что мы еще не до конца разобрались с понятием основного вида сказок Проппа.

Как было отмечено, Пропп не дает этому понятию ни эмпирического, ни теоретического обоснования и поэтому искомые обоснования приходится извлекать из контекста (см. ниже **рис.1**)¹.

Оборотной стороной вопроса сюжетах и вариантах является вопрос об основном виде сказок. Не случайно в книге Проппа они соседствуют. Сам Пропп никак не объясняет, почему основным видом следует считать сказки о похищении змеем царевны. (Согласно собственной теории Проппа о связи сказки с инициацией, основным видом сказок должны были бы считаться сказки о похищении детей (мальчик в плену у ведьмы) и т.п.). Возможно, это связано с его представлением о древности сюжета с похищением девушки змеем именно как волшебного-сказочного. Пропп специально выделял такие элементы, как: «девушка похищена медведем», «похищение дневного света» [Пропп 1969: 107, 128]. А, может быть, эта идея произвольно пришла в голову Проппу просто потому, что указатель Аарне начинает счет «собственно сказок» именно со сказок о змеборстве?

В книге «Исторические корни волшебной сказки», по крайней мере, в контексте, позиция Проппа становится более ясной. В ней мотив змеборства рассматривается очень подробно, причем подчеркивается, что первая – и главная – функция змея в сказке – это похищение женщин [Пропп 1986: 218 и др.].

Вероятно, рассуждения Проппа на эту тему нельзя считать строгим обоснованием соответствующей теории, по которой сказки о змеборстве (похищении царевны змеем) представляют основной (исходный) вид волшебных сказок

[см.: Белков П.Л. **Что такое основной вид сказок, или Как отличить сюжет от варианта?** // *ethnomanuscripts.ru*: 6].

Рис.1.

По-видимому, мы столкнулись с тем нередким в работах Проппа явлением, когда важные для него теоретические положения он вводит как бы мимоходом, по касательной, рассматривая *не совсем* другие вопросы, и эти положения порой не так просто разглядеть. Кроме того, развивая свою теорию, Пропп неоднократно подправлял её от текста к тексту и даже от главы к главе. Часто это у него получается за счет перехода от более кратких к более пространным

¹ Здесь и ниже «рисунки» или «картинки» с выдержками из текстов следует рассматривать как формулы или графики в математическом смысле слова. – ПБ.

определениям, и наоборот. Тот, кто работает в парадигме Проппа, может почувствовать это на себе. Не всегда сам исследователь в состоянии сразу заметить изменения, возникшие внутри его собственной теории.

Оказывается, в «Морфологии сказки» много раньше приводившегося выше пассажа, в главе «Сказка как целое», в разделе «Способы сочетания рассказов», при перечислении случаев, когда мы имеем «одну сказку» (с точки зрения существования сказок с одним и несколькими ходами²), Пропп ввел понятие основного вида сказок, причем, фактически, по всем правилам конструирования теоретического объекта (см. ниже **рис.2**).

7) Одну сказку мы имеем также в текстах, где первый ход включает бой со змеем, а второй начинается с похищения добычи братьями, сбрасывания героя в пропасть и т. д., а затем следуют притязания ложного героя (Φ) и трудные задачи. **Это то развитие, которое выяснилось перед нами при перечислении всех функций сказки. Это наиболее полная и совершенная форма сказок.**

8) Сказки, где герои расстаются у подорожного столба, также могут считаться **цельными сказками**. Надо, однако, заметить, что судьба каждого брата может дать совершенно отдельную сказку, и возможно, что этот случай придется исключить из ряда **цельных сказок** [Пропп 1969: 86].

Рис.2.

Итак, мнение Проппа основано на том, что сказки о похищении царевны змеем, которые он отождествляет со сказками о змееборстве, представляют собой «наиболее полную и совершенную форму сказок». Для более точного определения Проппом вводится понятие цельных сказок.

Сформулируем это положение (теорему) более строгим способом:

Сказки о змееборстве (= похищении змеем царевны) являются основным видом сказок, так как представляют собой цельные сказки, т.е. сказки наиболее полной и совершенной формы, с точки зрения полного (максимального) набора функций.

Еще раньше, в главе «Об атрибутах действующих лиц и их значении», Пропп связал вопрос об основном виде сказок с вопросом о разграничении понятий сюжета и варианта. Все сказки являются вариантами основного вида. Как он пишет: «оставив только основные формы, мы получим ту сказку, по отношению к которой все волшебные сказки являются вариантами» (см. **рис.3**). При этом проблема разграничения понятий сюжета и варианта сводится к проблеме реконструкции («построения») праформы волшебной сказки, причем не схематически, а конкретно. В свою очередь, в качестве метода реконструкции праформы объявляется прослеживание трансформации функций (см. **рис.3**).

Интересно и поучительно понаблюдать, какими категориями Пропп мыслит, подводя теоретическую базу под решение вопроса об «основной форме

² Эту задачу – при каких условиях несколько ходов образуют одну сказку – Пропп также не решил или не стал решать до конца, ограничившись указанием нескольких случаев «более ясных», поскольку «совершенно четких признаков нет» [Пропп 1969: 85].

волшебных сказок вообще». Он движется от более конкретного к более абстрактному: от вопроса об основной форме к вопросу о сюжетах и вариантах, а от вопроса о сюжетах и вариантах к вопросу об отношении сюжетов и композиции, т.е. к вопросу о фрагментации волшебных сказок на отдельные функции. В результате сказка как явление испаряется до простейшей абстракции – понятия функции. Все так, как учил Маркс: сначала от конкретного к абстрактному, а затем от абстрактного к конкретному, воссоздавая это конкретное уже в мышлении. Так что вопрос только в том, насколько разумными (рациональными) окажутся наши абстракции.

Законам трансформации подвержены не только атрибутивные элементы, но и функции, хотя это и менее видно и гораздо труднее поддается изучению. (Те формы, которые мы считаем основными, в нашем перечне всюду поставлены, как первые). Если посвятить этому вопросу специальное исследование, то можно будет построить **праформу волшебной сказки не только схематически, как это сделано у нас, но и конкретно.** Ведь для отдельных сюжетов это делается давно. Отметая все местные, вторичные образования, **оставив только основные формы, мы получим ту сказку, по отношению к которой все волшебные сказки явятся вариантами.** Произведенные нами в этом отношении разыскания привели нас к тем сказкам, где змей похищает царевну, где Иван встречается ягу, получает коня, улетает, при помощи коня побеждает змея, возвращается, подвергается погоне змеих, встречает братьев и т. д. — как к **основной форме волшебных сказок вообще.** Однако, доказать это можно лишь при помощи точного изучения сказочных метаморфоз, трансформаций. **В плоскости же формальных вопросов это приведет нас впоследствии к вопросу о сюжетах и вариантах и об отношении сюжетов к композиции** [Пропп 1969: 80-81].

Рис.3.

Наконец, переходя к вопросу о классификации волшебных сказок, Пропп ни в чем не изменяет своему принципу, согласно которому классы, или типы, сказок («абсолютно точно и объективно») выделяются по структурным признакам, т.е. по наличию отсутствию определенных функций. Пропп «устанавливает» четыре разряда (типа): «развитие сюжета через $B - П$ (бой – победа), развитие через $З - P$ (задача – разрешение), развитие через то и другое, развитие без $B - П$ и без $З - P$ » [Пропп 1969: 91]. Чуть выше он указывает, что первая пара на сто сказок встречается сорок один раз, вторая – тридцать три раза [Пропп 1969: 91].

С этим утверждением связано другое его положение: «Сказки³ с $B - П$ и сказки с $З - P$ по существу сказки разной формации, раз эти признаки друг друга исключают. Наличие или отсутствие данного элемента – их основной структурный признак» [Пропп 1969: 92]. В этом пункте Пропп уточняет понятие «основного вида (типа) всех сказок», говоря, что «это одна сказка из двух ходов». Кроме того, он вынужден признать следующее: «только соединение в два хода дает совершенно полную сказку». Пропп рассуждает так: это

³ В издании 1969 г. опечатка: «сказка». – ЛБ.

соединение двух ходов, когда-то существовавших отдельно, могло возникнуть в более позднюю эпоху, но поскольку ныне это одна сказка, то за неимением чего-то другого, сравнимого с ней по полноте, к ней и следует возводить «все сказки нашего класса», т.е. волшебные сказки (см. **рис. 4**).

Если мы внимательно рассмотрим те сказки, которые состоят из двух ходов, то мы увидим следующее: если один ход содержит бой, а другой трудную задачу, то бой всегда в первом ходе, а трудная задача во втором. Эти сказки дают типичное для вторых ходов начало, а именно сбрасывание Ивана в пропасть его братьями и пр. Для данных сказок построение по двум ходам канонично. **Это одна сказка из двух ходов, основной тип всех сказок. Она очень легко делится пополам [Пропп 1969: 92-93].**

Таким образом, каждый ход может существовать отдельно, но **только соединение в два хода дает совершенно полную сказку [Пропп 1969: 93].**

Очень возможно, что исторически существовало именно два типа, что каждый имеет свою историю и что в какую-то отдаленную эпоху две традиции встретились и слились в одно образование. Но говоря о русских волшебных сказках, мы принуждены сказать, что ныне это одна сказка, к которой возводятся все сказки нашего класса [Пропп 1969: 93].

Рис.4.

Однако по условию задачи, сформулированному самим Проппом, к сказкам основного типа следует относить именно простые (одноходовые), а не сложные (в данном случае, двухходовые) сказки (см.: [Пропп 1969: 91-92]). Как возникает это противоречие? Именно благодаря последовательности Проппа. «Морфология сказки» условно делится на две части. В первой части выясняется композиция волшебной сказки, во второй полученные результаты применяются к решению более конкретных задач. В самом начале книги Пропп заявляет о том, что ни вопросы классификации, ни вопросы генезиса не могут быть решены без знания законов морфологии сказки. В соответствии с этим понятие основного вида сказок, способ соотнесений понятия сюжета и варианта, как и принцип классификации сказок, Пропп выводит из понятия функции как основы сказочной композиции. А, как известно, взяв за основу ложную посылку и затем последовательно придерживаясь этой посылки, вы неизбежно придете к противоречиям в своих высказываниях. Следовательно, из разрозненных кусочков текста, разбросанных на пространстве 25 страниц, с 80-й по 105-ю, итоговая формула теории основного типа сказок выведена быть не может (см. **рис.5**).

Если бы (так! – *ПБ*) мы могли развернуть картину трансформаций, то можно бы было убедиться, что морфологически **все данные сказки могут быть выведены из сказок о похищении змеем царевны, из того вида, который мы склонны считать основным [Пропп 1969: 103-104].**

Рис.5

Пожалуй, только на первый взгляд может показаться, что очень просто свести эти фрагменты «Морфологии сказки» воедино, чтобы получить полное представление об этой теории. Вероятно, Пропп сам не был вполне уверен в непротиворечивости этой теории. Кстати говоря, теория «просказки» Проппа стала излюбленным местом для критических замечаний коллег еще до выхода в свет «Морфологии сказки» [Неизвестные страницы 2015: 207]. Вероятно, поэтому он слегка замаскировал, как бы «присыпал» её, «прикопал» другими текстами.

В этом смысле, бросается в глаза еще одно его высказывание. Рассуждая о взаимоисключении связок функций *бой – победа* и *задача – решение*, Пропп пишет: «По-видимому, мы здесь имеем механическое соединение двух ходов, т.е. нарушение канона у малоискушенных рассказчиков. Это результат некоторого распада классической сказочной архитектоники» [Пропп 1969: 94]. Так что же мы имеем перед собой: «наиболее полную и совершенную форму сказок» или уже «результат некоторого распада»?

Однако не будем ловить Проппа на мелочах. Некоторые его ошибки теоретически стоят дороже толстых фолиантов, наполненных тривиальностями, т.е. как раз совершенно безошибочными (нефальсифицируемыми, в терминах Поппера) утверждениями. В данном случае главная ошибка Проппа заключалась в смешении двух, хотя и связанных, но принципиально разных задач: задачи построения модели («идеальной машины») волшебной сказки, или определения понятия волшебной сказки, и задачи поиска предка-гомолога сказки, «недостающего звена». Положения, предлагаемые в качестве решения второй задачи внедрены в текст «Морфологии сказки» практически насильно, буквально пришиты белыми нитками.

Вывод о сказках с похищением царевны змеем как основе волшебной сказки вообще возник априорно, ибо это положение можно было ввести, не прибегая к теории функций, основываясь на существующих представлениях о сюжете, которые Пропп – еще одно противоречие! – не очень последовательно, но очень упорно отвергал. И неизвестно, чего же здесь больше, методологии или психологии. В целом, с решением второй задачи Пропп явно поторопился и поэтому совершил довольно серьезную ошибку в части использования по умолчанию таких понятий, как явление и сущность, общее и единичное.

Так, разъясняя свой метод использования структурных признаков при классификации сказок на типы, он замечает, что в зоологии кит не попадает в число рыб, поскольку дышит легкими, хотя внешне похож на рыбу [Пропп 1969: 92]. Однако, если продолжить эту мысль, предок кита не может быть морфологически похож на кита. Точно также «просказка» (праформа) не может иметь ту же самую структуру, что и классическая сказка. Это, во-первых. А, во-вторых, невозможно, сравнивая различные виды китообразных, реконструировать морфологию их общего предка. Тем более нельзя указать на один из видов, к

которому якобы восходят все другие. Эту задачу могут решить только палеонтологи, чтобы затем, используя методы сравнительной анатомии и морфологии, установить, является ли данное животное «прокитом».

[**Примечание.** По Проппу, основной вид сказок представляет полные сказки, а варианты дают неполную форму, так как «во всех сказках отсутствуют (пропущены. – *ЛБ*) те или другие функции» [Пропп 1969: 98]. В действительности все ровно наоборот. Неполной является именно «просказка» (первобытная сказка), а полной – не такой уж далекий ее потомок, классическая волшебная сказка, нарастивший внутри себя изначально отсутствующие элементы⁴].

Напротив, первую и главную свою задачу, задачу табуляции («табулатуры») сказки, хотя и чисто эмпирическим методом проб и ошибок (*hit-and-miss method*), Пропп решил в целом удовлетворительно. Созданная им парадигма очень проста:

Целое действие волшебной сказки делится на строго ограниченное количество морфологических частей, которые представляют собой типизированные действия также ограниченного числа основных персонажей и которые соединяются между собой только в одной и никакой другой последовательности.

В докладе «Морфология русской волшебной сказки» [Пропп 1927: 48-49] Пропп говорил о том, что можно зафиксировать «около 30 функций» и 6 рядов действующих лиц (из протоколов заседаний Сказочной комиссии 1926-1927 гг. можно понять, что обсуждались цифры 22 или 27, когда речь шла о числе функциях) [Пропп 1927: 48-49; Иванова 2009: 294-295; **Неизвестные страницы 2015: 204**]. В книге «Морфология сказки» Пропп твердо называет уже 31 функцию и 7 персонажей. А в книге «Русская сказка», впервые вышедшей в свет в 1984 г., Пропп пишет, что число функций «немногим более 30» (т.е. все-таки более 31 функции? – *ЛБ*) [Пропп 2011: 188-189]. В интересующем нас в данный момент отношении конкретные цифры – вещь второстепенная. Важна сама формула (парадигма).

В дальнейших исследованиях возможны уточнения не только цифр, но также самого принципа выделения морфологически значимых составных частей и принципа определения понятия основных персонажей. В настоящее время можно считать доказанным, что композицию волшебной сказки составляют *27 малых мотивем* (примерный аналог «определений» Проппа), которые возникают в результате последовательного деления на три *3-х больших мотивем* и *9-ти средних мотивем*, а персонажную схему – три основных (базовых) персонажа в порядке появления на сцене: *агонист, протагонист и*

⁴ См.: Белков П.Л. О происхождении волшебной сказки. Сказки полные и неполные // *ethnomanuscripts.ru*: 5; Белков П.Л. Что такое основной вид сказок, или Как отличить сюжет от варианта? // *ethnomanuscripts.ru*: 5).]

антагонист (см.: [Белков 2009: 238-243; Белков 2016а: 22; 2016b: 31-32; Белков 2019: 128-129])⁵.

Иногда приходится чем-то жертвовать, чтобы сохранить целое. Мы пожертвовали понятием основного вида сказок теории Проппа, чтобы выявить в этой теории то незыблемое положение, которое превращает исследования по фольклору в собственно науку – область знания, которая имеет бесспорно парадигмальный характер.

Наличие парадигмы – признак науки в строгом смысле слова, т.е. некоторого множества теорий, которое является элементом самого себя. По гамбургскому счету, своей книгой «Морфология сказки» Пропп хотел сказать именно об этом.

5 ноября 2019 г.

Белков П.Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб.: Наука, 2009.

Белков П.Л. Между мифом и сказкой (по поводу анализа одного китайского фольклорного произведения) // Кюнеровский сборник. Вып.8. СПб., 2016: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение 2013-2015. С.13-22.

Белков П.Л. Китайский Железный бык, восточнославянский Медный лоб и австралийская старуха Маргадьюна // Кюнеровский сборник. Вып.8. СПб., 2016: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение 2013-2015. С.23-32.

Белков П.Л. Классическая волшебная сказка: от [не]равенства к неравенству // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Казань, 2 -6 июля 2019 г. Москва – Казань, 2019. С.128-129.

Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009.

Неизвестные страницы русской фольклористики (под ред. А.Л.Топоркова). М., 2015.

Пропп В.Я. Морфология русской волшебной сказки // Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927, с.48-49.

Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2011.

⁵ Подробно о способах введения этих понятий см. в рукописи завершающей монографии: Белков П.Л. **Как сложить сказку. Перечитывая «Морфологию сказки» В.Я.Проппа** (депонирована автором на сайте *ethnomanuscripts.ru*).